

Е.К. Кайрулла

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация. В статье рассматривается мошенничество как одна из наиболее распространенных форм киберпреступности. Анализируются основные зарубежные и отечественные научные подходы к определению места мошенничества в системе киберпреступности. Особое внимание уделяется феномену социальной инженерии, виктимологическим особенностям кибермошенничества и его междисциплинарной природе. Обосновывается, что цифровая среда не изменила сущность мошенничества как обмана и злоупотребления доверием, однако радикально трансформировала его масштабы, способы совершения, механизмы воздействия на потерпевшего и уровень латентности. Сделан вывод о том, что современное мошенничество следует рассматривать как корыстное деяние, сочетающее признаки преступления против собственности, информационной деликтности и социально-психологического воздействия на жертву.

Ключевые слова: киберпреступность; кибермошенничество; мошенничество; социальная инженерия; виктимология; преступления против собственности.

Е.Қ. Қайрулла

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЗАМАНАУИ КИБЕРҚЫЛМЫСТЫЛЫҚ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ИНТЕРНЕТ- АЛАЯҚТЫҚ ЖӘНЕ ОНЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ҒЫЛЫМИ ТӘСІЛДЕРІ

Аннотация. Мақалада алаяқтық киберқылмыстылықтың кең таралған түрлерінің бірі ретінде қарастырылады. Киберқылмыстылық жүйесіндегі алаяқтықтың орнын айқындаудың негізгі шетелдік және отандық ғылыми тәсілдері талданады. Әлеуметтік инженерия құбылысына, кибер алаяқтықтың виктимологиялық ерекшеліктеріне және оның пәнаралық сипатына ерекше назар аударылады. Цифрлық орта алаяқтықтың алдау мен сенімге қиянат жасауға негізделген құқықтық табиғатын өзгерткен жоқ, алайда оның ауқымын, жасалу тәсілдерін, жәбірленушіге ықпал ету тетіктерін және латенттілік деңгейін түбегейлі өзгертті. Қазіргі алаяқтықты меншікке қарсы қылмыс, ақпараттық құқыққа қайшы әрекет белгілері және жәбірленушіге әлеуметтік-психологиялық әсер ету белгілерін біріктіретін пайдакүнемдік сипаттағы әрекет ретінде қарастыру керек деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: киберқылмыстылық; кибералаяқтық; алаяқтық; әлеуметтік инженерия; виктимология; меншікке қарсы қылмыстар.

Y.K. Kairulla

*The Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

INTERNET FRAUD WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN CYBERCRIME AND SCIENTIFIC APPROACHES TO ITS STUDY

Abstract. The article examines fraud as one of the most widespread forms of cybercrime. It analyzes the main foreign and domestic scientific approaches to defining the place of fraud within the system of cybercrime. Special attention is given to the phenomenon of social engineering, the victimological features of cyber-fraud, and its interdisciplinary nature. It is argued that the digital environment has not changed the essence of fraud as deception and abuse of trust, but it has radically transformed its scale, methods of execution, mechanisms of impact on the victim, and the level of latency. The conclusion is that modern fraud should be viewed as a self-serving act that combines elements of a property crime, informational tort, and socio-psychological impact on the victim.

Keywords: cybercrime; cyberfraud; fraud; social engineering; victimology; crimes against property.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_44

Введение. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений мошенничество приобретает новые формы и все чаще рассматривается не только как традиционное преступление против собственности, но и как одна из наиболее распространенных форм киберпреступности. Так, за последние три года в Казахстане количество зарегистрированных интернет-мошенничеств выросло на 32,5% (2023 г. – 21 777, 2024 г. – 22 870, 2025 г. – 28 851). При этом потери от них только по итогам 2025 года составили почти 74 млрд тенге (2023 г. – 19,3 млрд, 2024 г. – 46 млрд, 2025 г. – 73,9 млрд)¹.

Научный интерес к данной проблематике обусловлен тем, что интернет-мошенничество находится на стыке сразу нескольких исследовательских направлений: уголовного права, криминологии, виктимологии, психологии убеждения и исследований цифровой среды. В этой связи проблема определения его природы, места в системе киберпреступлений и криминологических особенностей имеет высокую теоретическую и практическую актуальность.

Мошенничество сохраняет свою уголовно-правовую природу как форма обмана и злоупотребления доверием. Однако использование цифровых технологий придает ему качественно новые криминологические особенности. Расширение сферы коммуникаций, оформление онлайн кредитов и платежей, интернет-торговли и сетевого взаимодействия привело к качественной трансформации механизма преступного обмана.

При этом, в отличие от традиционных форм обмана, кибермошенничество ориентировано на использование цифровых каналов коммуникации и механизмов социальной инженерии, что позволяет преступнику воздействовать на поведение потерпевшего без непосредственного контакта. Иными словами, интернет и цифровые технологии не создали мошенничество как преступление заново, но радикально усилили его криминогенный потенциал. Современный преступник получает возможность воздействовать на потерпевшего, используя преимущества цифровой среды.

Материалы и методы. Материалы исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области киберпреступности, криминологии и виктимологии, правовая статистика, а также научные публикации, посвященные цифровым формам обмана и их криминологической интерпретации. Методологическую основу исследования образовали общенаучные и частнонаучные методы познания, в т.ч. диалектический, формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и криминологический методы. Их применение позволило определить место мошенничества в системе киберпреступности, выявить его сущностные признаки и раскрыть особенности механизма совершения.

Результаты, обсуждение. В современной криминологической и уголовно-правовой доктрине мошенничество все чаще рассматривается как одна из наиболее значимых форм преступности, трансформированных цифровой средой. При этом в строго научном смысле его следует относить прежде всего к киберобусловленным преступлениям. Такой подход соответствует международной исследовательской традиции, согласно которой киберпреступность охватывает не только деяния, непосредственно направленные против компьютерных систем и сетей, но и традиционные преступления, которые благодаря информационно-коммуникационным технологиям получают новые формы сокрытия, масштабы и механизмы совершения². Именно к

¹ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

² Кратко о киберпреступности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unodc.org/cld/ru/education/tertiary/cybercrime/module-1/key-issues/cybercrime-in-brief.html> (дата обращения: 16.04.2026).

этой группе обычно относят онлайн-мошенничество, фишинг, мошеннические продажи на цифровых платформах, обман через электронные коммуникации и иные формы дистанционного завладения имуществом или правом на имущество.

Одним из наиболее авторитетных зарубежных исследователей киберпреступности Д. Уолл рассматривает цифровую преступность как закономерный результат трансформации преступного поведения в информационную эпоху. В его концепции особое место занимают преступления, совершаемые с использованием цифровой инфраструктуры как инструмента обмана, хищения и манипулирования жертвой. С этой точки зрения мошенничество представляет собой не просто разновидность имущественного преступления, перенесенного в онлайн-среду, а закономерную форму криминальной адаптации к новым технологическим условиям. Именно цифровая среда радикально изменила масштабы мошенничества. В доцифровую эпоху обман обычно требовал личного контакта, что объективно ограничивало число потенциальных потерпевших. В цифровой среде один и тот же мошеннический сценарий может одновременно тиражироваться на тысячи и миллионы пользователей через электронную почту, мессенджеры, социальные сети, маркетплейсы, поддельные сайты и рекламные кабинеты [1].

Значительный вклад в развитие данной тематики внесли Т. Холт и А. Босслер, рассматривающие киберпреступность как совокупность деяний, развитие которых тесно связано с изменением повседневных социальных практик. В их исследованиях подчеркивается, что успех многих видов киберпреступности, включая мошенничество, объясняется не только технической оснащенностью преступника, но и изменением образа жизни человека в цифровом обществе. Повседневное использование онлайн-банкинга, маркетплейсов, сервисов, социальных сетей и мессенджеров создает новые преступные возможности и новые уязвимости. Следовательно, мошенничество в интернете выступает отражением более широких социальных процессов цифровой модернизации [2].

Безусловно, повседневное использование онлайн-банкинга, маркетплейсов, сервисов, социальных сетей и мессенджеров создает новые преступные возможности и новые уязвимости. Следовательно, мошенничество в интернете выступает отражением более широких социальных процессов цифровой модернизации.

С криминологической точки зрения особенно важно, что кибермошенничество строится не столько на техническом взломе, сколько на эксплуатации человеческого поведения. В этой связи центральное место занимает феномен социальной инженерии.

Как справедливо отмечают К. Штайнметц и К. Кросс, цифровая среда изменила структуру виктимизации. Потерпевший все чаще сталкивается не с прямым навязыванием ложной информации, а с целой системой целенаправленного психологического воздействия. Преступник формирует ощущение срочности, опасности, выгоды, романтические аферы, банковские легенды, фишинг и мошенничество на торговых платформах. Объектом преступного воздействия становится процесс принятия решений жертвой. Цифровая среда позволяет гораздо точнее управлять вниманием, эмоциями и поведенческими реакциями потерпевшего, чем это было возможно в классических офлайн-схемах. Данный вывод согласуется с современным пониманием социальной инженерии в криминологической литературе [3].

Следовательно, основной целью посягательства становится не сама информационная система, а человек, как носитель доверия, чувства страха, склонности к поспешному принятию решений, неспособности распознать ложную цифровую коммуникацию, стремления к получению выгоды, привычки подчиняться мнимому авторитету и склонности импульсивно реагировать на стрессовые ситуации. Цифровой мошенник не просто выманивает деньги, а последовательно конструирует доверительные отношения, поэтому используя убеждение, эмоциональную вовлеченность и механизмы удержания жертвы в рамках преступной схемы.

Кибермошенничество представляет собой форму преступности, в которой техническая среда и психологическое воздействие образуют единый криминальный механизм. Именно поэтому фишинг, вишинг, поддельные банковские уведомления, ложные объявления, фиктивные сервисные сообщения и иные мошеннические сценарии оказываются эффективными даже без сложного технического вмешательства.

Такой подход позволяет рассматривать кибермошенничество как форму преступности, сочетающую технологический и социально-психологический компоненты. С одной стороны, цифровая среда обеспечивает преступнику анонимность, массовость и высокую скорость распространения мошеннических схем. С другой стороны, результат преступления достигается путем формирования ложного восприятия ситуации у потерпевшего и побуждения его к добровольной передаче денег, персональных данных или доступа к цифровым ресурсам.

Дополнительную сложность для научного анализа создает гибридный характер ряда мошеннических схем. Некоторые формы фишинга, например, могут выступать как самостоятельный способ незаконного получения конфиденциальных данных, а могут быть лишь этапом более сложной преступной атаки, включающей заражение устройства вредоносным программным обеспечением, несанкционированный доступ к аккаунтам или дальнейшее хищение средств. Данное обстоятельство показывает, что современное кибермошенничество не сводится лишь к техническим и имущественным преступлениям. Напротив, в цифровой среде все чаще возникают гибридные преступные модели, где социальная инженерия сочетается с элементами технического вмешательства.

Не менее важным направлением исследования является виктимологический аспект кибермошенничества. Работы М. Уитти и К. Кросс показывают, что жертвы онлайн-мошенничества, в т.ч. пожилые потерпевшие, страдают не только от прямого имущественного ущерба. Последствия часто включают вторичную виктимизацию, эмоциональную травму, чувство стыда, самообвинение, утрату доверия к цифровой коммуникации и снижение готовности обращаться за помощью. Особенно показательны исследования онлайн-романтических афер, в рамках которых преступник последовательно формирует доверительные отношения с потерпевшим, используя эмоциональную близость как средство вовлечения в преступную схему. Такой механизм доказывает, что кибермошенничество необходимо рассматривать не только как ненасильственное хищение чужого имущества, но и как форму глубокого психологического воздействия [4]; [5].

В отечественной научной литературе также обращают внимание на то, что дистанционные формы обмана приобрели массовый характер, а их профилактика требует не только совершенствования уголовно-правовых норм, но и комплексной виктимологической, организационной и информационной работы [6].

Системный характер данной проблемы подтверждается не только теоретическими положениями, но и материалами официальной статистики. Так, по итогам 1 квартала 2026 года, в нашей стране отмечается снижение регистрации мошенничеств на 13,3%, в т.ч. совершенных в интернет-среде – на 15,1% (*с 6 215 до 5 275*). При этом доля мошенничеств в общем массиве преступлений остается стабильно высокой и составляет 42,6%³. Иначе говоря, более двух пятых всех зарегистрированных преступлений приходится именно на мошенничества, что свидетельствует об их доминирующем положении в структуре общеуголовной преступности.

Наблюдаемое сокращение числа зарегистрированных мошенничеств не означает ослабление преступной практики, поскольку ее воспроизводственный потенциал остается высоким и сохраняет устойчивость за счет действия комплекса долговременных криминогенных

³ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

факторов, формирующих благоприятную среду для ее постоянного воспроизводства.

К их числу относится прежде всего цифровизация повседневной жизни. Расширение использования современных технологий, развитие онлайн-банкинга, бесконтактных платежей, переводов по номеру телефона и иных форм дистанционного распоряжения денежными средствами снижают необходимость личного контакта между участниками сделки и одновременно упрощают процедуру незаконного завладения денежными средствами. В результате увеличивается число потенциальных ситуаций взаимодействия, в рамках которых может быть реализован обман. Происходит расширение виктимогенного поля, где практически любой пользователь цифровых сервисов становится потенциальной жертвой мошеннического воздействия. Кроме того, сокращается временной разрыв между фактом обмана и наступлением имущественного ущерба, что повышает эффективность преступной деятельности.

С криминологической точки зрения мошенничество следует рассматривать не просто как один из многочисленных видов преступлений, а как макро-индикатор, влияющий на уровень общеуголовной преступности, динамика которого в значительной степени определяет изменение совокупных показателей правовой статистики. Основанием для такого вывода служит то, что около половины преступлений приходится на мошенничества. Следовательно, можно утверждать, что рассматриваемая категория выступает чувствительным индикатором и оказывает системное влияние на состояние преступности в целом.

Для практики предупреждения преступности данная гипотеза имеет принципиальное значение, поскольку осуществление профилактического воздействия в отношении мошенничества дает результат не только в пределах данной категории, но и положительно влияет на общую криминогенную ситуацию. Поэтому борьба с мошенничеством, особенно с его наиболее массовыми и адаптивными формами, должна рассматриваться как одно из приоритетных направлений уголовной политики и криминологического предупреждения.

Мошенничество при таком его удельном весе закономерно выступает одной из ведущих детерминант изменения показателей правовой статистики. Уменьшение числа зарегистрированных деяний данной категории оказало заметное воздействие на общую динамику преступности. Так, сокращение случаев регистрации мошенничеств на 13,3% (*с 11 553 до 10 012*) сопровождалось общим снижением числа преступлений на 11,1% (*с 26 461 до 23 523*)⁴. Все это позволяет рассматривать данную категорию как одну из ключевых, влияющих на динамику преступности.

Вместе с тем официально фиксируемое улучшение статистических показателей требует осторожной интерпретации, поскольку интернет-мошенничеству присущ высокий уровень латентности. Вследствие этого отраженная в отчетности динамика не позволяет в полной мере судить о действительном масштабе виктимизации. Особую настороженность должны вызывать их виды, демонстрирующие аномально резкие колебания, т.к. возможен не только эффект реальных изменений криминальной активности, но и влияние особенностей учета и регистрации.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что более половины мошенничеств имеют выраженную цифровую природу и относятся к интернет-мошенничествам (52,7%), т.е. наблюдается смещение основных криминогенных рисков от традиционных контактных форм обмана к опосредованным формам мошенничества (*телефонное воздействие, фишинг, онлайн-площадки, социальные сети и мессенджеры*).

Наибольший удельный вес в структуре данных преступлений приходится на фишинг и незаконное получение конфиденциальных данных – 21,5%, ложные звонки и сообщения от имени банков – 19,5%, мошенничества через объявления об оказании услуг – 19,4%, в сфере онлайн-

⁴ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

покупок – 17,8%, а также связанные с оформлением онлайн-займов – 9,3%⁵.

При этом мошенничества, совершаемые путем создания финансовых пирамид и инвестиционных проектов, составляют 5,6%; взлома аккаунтов или доменов – 1,5%; рассылки в социальных сетях и мессенджерах от финансовых учреждений либо с просьбой занять денег – 1,3%; криптовалютных операций – 1,3%; фиктивных онлайн-казино – 1,3%; лотереи, викторин и конкурсов – 0,3%; лжеблаготворительности – 0,4%. Совокупно указанные категории формируют около 80% всех интернет-мошенничеств, что свидетельствует о высокой концентрации преступности в типовых схемах⁶.

В отличие от традиционных форм мошенничества, современные их виды зачастую не требуют высокой квалификации или специальных технических знаний. Для них достаточно базовых навыков работы с цифровыми сервисами и готовых шаблонов коммуникации (*включая сценарии разговоров, тексты сообщений и инструкции*). Цифровая среда позволяет многократно воспроизводить одну и ту же модель поведения, направляя ее одновременно на большое количество потенциальных потерпевших. При этом затраты на организацию такой деятельности остаются относительно низкими, что обеспечивает высокую «экономическую эффективность» преступления. Даже при низком проценте отклика со стороны жертв общий результат может быть значительным за счет массовости.

Наряду с этим особое значение имеет высокий уровень анонимности цифровой коммуникации. Использование подставных аккаунтов, виртуальных номеров, зарубежных сервисов, средств маскировки IP-адресов, а также трансграничных сервисов позволяет преступникам существенно затруднять идентификацию и установление их личности. Это в совокупности с межрегиональным и международным характером значительной части мошеннических схем усложняет процесс расследования преступлений и нивелирует принцип неотвратимости наказания.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что в 2025 году в сфере противодействия кибермошенничеству наблюдался положительный рост раскрываемости (20,6%, 10,5% в 2024 г.). Вместе с тем данный рост сам по себе не свидетельствует о преодолении ключевых трудностей расследования, поскольку значительная доля уголовных дел не достигает стадии окончательного процессуального завершения. Так, 80% зарегистрированных уголовных дел были прерваны за неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве подозреваемых, тогда как оконченные производством дела составили лишь 20%. Соотношение указанных показателей позволяет заключить, что, несмотря на положительную динамику раскрываемости, преобладающий массив уголовных дел по фактам кибермошенничества по-прежнему не получает процессуального разрешения. В свою очередь, это свидетельствует о специфике расследования кибермошенничеств, связанной со сложностью установления причастных лиц, и указывает на необходимость совершенствования специальных организационно-правовых и криминалистических механизмов раскрытия данной категории преступлений.

Совокупное действие указанных факторов формирует устойчивый механизм воспроизводства мошенничества, при котором снижение зарегистрированных показателей не приводит к его структурному ослаблению. Напротив, данная категория преступлений характеризуется высокой адаптивностью, преступники оперативно модифицируют схемы, подстраивая их под новые технологические условия, изменения в цифровой инфраструктуре и актуальные социальные страхи граждан. Все это проявляется в быстром переходе от одних форм

⁵ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Статистические отчеты // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 20.05.2026).

⁶ Там же.

обмана к другим, комбинировании различных способов воздействия и постоянном обновлении легенд.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать криминологический прогноз на ближайшую перспективу и предположить сценарий дальнейшего умеренного снижения абсолютного числа мошенничеств без существенного ослабления их роли в структуре преступности. Иными словами, мошенничество, по всей видимости, сохранит высокий удельный вес и продолжит занимать одно из ведущих мест в преступности.

Также вероятно, что наиболее устойчивыми окажутся схемы, основанные на мошенничествах от имени банков, фишинге, на маркетплейсах и сервисных объявлениях. Именно данные формы лучше всего встраиваются в повседневное поведение граждан и легче всего маскируются под нормальную экономическую активность. Поэтому они будут либо снижаться медленно, либо быстро менять внешний вид при сохранении сути.

Следовательно, дальнейшее развитие теории и практики противодействия кибермошенничеству должно быть направлено на расширение междисциплинарных исследований, совершенствование виктимологической профилактики, повышение цифровой грамотности населения и адаптацию уголовно-правовых и криминологических подходов к новым формам цифрового преступного поведения. При этом для проведения расследований киберпреступлений требуются специальные знания в области информационных технологий, цифровой криминалистики, сетевых протоколов, криптографии и иных технических дисциплин.

Список использованной литературы:

1. Wall, D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. 2nd ed. / D.S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 352 p.
2. Holt, T.J. Cybercrime in Progress: Theory and Prevention of Technology-Enabled Offenses / T.J. Holt, A.M. Bossler. – London; New York: Routledge, 2016. – 225 p.
3. Steinmetz, K.F. Social Engineering [Электронный ресурс] / K.F. Steinmetz, C. Cross. – Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/edited-volume/61796/chapter-abstract/546083734?redirectedFrom=fulltext#546083734> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Whitty, M.T. The Scammers Persuasive Techniques Model: Development of a Stage Model to Explain the Online Dating Romance Scam / M.T. Whitty // The British Journal of Criminology. – 2013. – Vol. 53. No. 4. – Pp. 665-684.
5. Cross, C. They're Very Lonely»: Understanding the Fraud Victimization of Seniors / C. Cross // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2016. – Vol. 5. No. 4. – Pp. 61-75.
6. Еселева-Пионка, М. Правовые меры противодействия финансовому мошенничеству: анализ законодательства и практики Республики Казахстан / М. Еселева-Пионка и др. // Вестник КазНУ. Серия: юридическая. – 2025. – № 1 (113). – С. 139-153.

References:

1. Wall, D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. 2nd ed. / D.S. Wall. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 352 p.
2. Holt, T.J. Cybercrime in Progress: Theory and Prevention of Technology-Enabled Offenses / T.J. Holt, A.M. Bossler. – London; New York: Routledge, 2016. – 225 p.
3. Steinmetz, K.F. Social Engineering [Elektronnyj resurs] / K.F. Steinmetz, C. Cross. – Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – Rezhim dostupa: <https://academic.oup.com/edited-volume/61796/chapter-abstract/546083734?redirectedFrom=fulltext#546083734> (data obrashhenija: 19.04.2026).
4. Whitty, M.T. The Scammers Persuasive Techniques Model: Development of a Stage Model to Explain the Online Dating Romance Scam / M.T. Whitty // The British Journal of Criminology. – 2013. – Vol. 53. No. 4. – Pp. 665-684.
5. Cross, C. They're Very Lonely»: Understanding the Fraud Victimization of Seniors / C. Cross // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2016. – Vol. 5. No. 4. – Pp. 61-75.
6. Eseleva-Pionka, M. Pravovye mery protivodejstvija finansovomu moshennichestvu: analiz zakonodatel'stva i praktiki Respubliki Kazahstan / M. Eseleva-Pionka i dr. // Vestnik KazNU. Serija juridicheskaja. – 2025. – № 1 (113). – S. 139-153.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Еркін Қайруллаұлы Қайрулла – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық саясат және криминология проблемаларын зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: anara_erken@mail.ru.

Қайрулла Еркін Қайруллович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: anara_erken@mail.ru.

Kairulla Yerkin Kairullovich – Chief Researcher at the Center for the Study of Problems Criminal Policy and Criminology of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, e-mail: anara_erken@mail.ru.